

„Егор Булычов и другие“

В дни, когда прогрессивные силы всего мира отмечают память А. М. Горького — великого певца свободного человека, югославские артисты показали в столице Украины спектакль «Егор Булычов и другие».

Советскому зрителю довелось видеть немало замечательных сцепляющих интерпретаций этого бессмертного горьковского произведения. Спектакль «Егор Булычов и другие», поставленный в театре имени Е. Вахтангова известным советским режиссером Б. Захавой, при значном участии на репетициях Горького, стал выдающимся событием в культурной жизни нашей страны. Каждая новая постановка этой пьесы с тех пор является делом архитрудным, ибо театром имени Е. Вахтангова был установлен весьма высокий критерий для определения уровня исполнительского мастерства и режиссерского раскрытия идейного замысла автора.

Легко себе представить, каким мастерством должны обладать режиссер и исполнительский коллектив Югославского драматического театра, дерзнувшего поставить пьесу «Егор Булычов и другие», да к тому же выступить с этим спектаклем в 1955 году на Парижском фестивале, а ныне — на родине Горького. Такого дерзновения по плечу только весьма и весьма зрелому творческому коллективу.

Без преувеличения можно сказать, что постановка пьесы «Егор Булычов и другие» — триумф творческих исканий Югославского драматического театра. И советский зритель испытывает особое удовлетворение, присутствуя на спектакле, именно потому, что этот спектакль ему есть с чем сравнивать и сопоставлять.

Хочется сказать, что в спектакле, поставленном Матой Милошевичем в сотрудничестве с художниками Миленко Шорбаном и Мирой Глишич, остро ощущается высокое напряжение социальной драмы, пульс многообразной, сложной жизни.

Перед нами — живой, настоящий Егор Булычов, которому если чего и недостает, так это специфики волжского, окаяющего говорка. «Упущение» вполне объяснимое и оправданное. А во всем остальном — это человек, в душе которого скопище самых бурных, неудержимо стремительных чувств и чувствований. Он остро ощутил не только свою личную обреченность; его мозг неутомимо обживает сознание или, точнее сказать, предчувствие исторической обреченности своего класса.

Образ Егора Булычова, созданный артистом могучего дарования Миленко Живановичем, — это образ, оставивший глубокое, неслываемое впечатление. Здесь не игра, а сама жизнь. Зритель забывает о том, что перед ним сцена, а на сцене, — актер, сумевший перевоплотиться в Егора Булычова — живого, страдающего, мучающегося, борющегося, раздираемого страшными противоречиями. Здесь мы имеем дело с глубочайшим творческим проникновением актера в сущность образа.

Давно мы не видели в зрительном зале такого напряжения, какое царит на этом спектакле. В зале присутствовало немало наших актеров и режиссеров, участвовавших в постановках горьковских спектаклей. В антрактах возникали оживленные споры о художественных средствах раскрытия характера, идейной сущности образа: верный признак того, что спектакль «схватил за сердце». Среди зрителей не было равнодушных!

Некоторым кажется, что при изумительном актерском исполнении, Миленко Живанович переносит центр внимания в область личного страдания, в область философских рассуждений о жизни и смерти. Булычов — Живанович потому-то и производит сильнейшее впечатление, что он — живой чувствующий человек, человек с хорошими задатками, попавший в силу известных обстоятельств «не на ту улицу». Булычов у него не только капиталист, но еще и жертва той среды, в которой он очутился. Актер акцентирует внимание зрителей на главном — на исторической обреченности капитализма.

Всей своей тонкой, художественно убедительной игрой М. Живанович усиливает в зрителе чувство неприятия к капитализму, как к общественному строю, основанному на эксплуатации человека человеком. В его исполнении роли Булычова много творческих находок, в частности, в третьем акте. Оставшись один в темной комнате, он со свечой в руках подходит к портрету Николая II; всмотревшись в него, делает красноречиво — презрительный жест. Ну, какой, мол, ты царь земной, миропомазанный божий; так, одно недоразумение. Подходит к иконе, взо-

бражающей царя небесного. Начинает читать молитву, сбивается и отмахивается рукой, как от чего-то лишнего, ненужного: «Бог — не помога!».

Образ Булычова был бы весьма парадоксален и даже совершенно непонятен без соответствующего окружения, без «других». Пьеса А. М. Горького не случайно озаглавлена: «Егор Булычов и другие». От умелого исполнения ролей этих «других» не в меньшей мере, чем от исполнителя главной роли, зависит успех спектакля, правильное раскрытие идейного содержания произведения.

Режиссер и актеры много и вдумчиво поработали, чтобы создать должное, вполне отвечающее за-

мыслу автора, окружение Булычова. Особо выделяется своим дарованием молодая артистка Дубравка Перич, исполняющая роль Шуры, внебрачной дочери Егора. В ней, так же, как и в Егоре Булычове, накопилось много недовольства против социальной лжи и лицемерия, против затхлого мира этих двоедушных людшек, прикрывающих различного рода софизмами свою подлинную социальную сущность. Движения Шуры — Дубравки Перич легки и произвольны, вся она — порыв. Сцены откровенных разговоров отца с дочерью исполнены большой душевной теплотой.

Близким, понимающим и искренно любящим Егора Булычова, человеком является горничная Глафира.

Роль Глафиры исполняет Босилья Боци. Трактовка этого образа у актрисы весьма своеобразна. Глафира у Босильи Боци не держится с такой же независимостью, какая свойственна Булычову. Женщина умная, волевая, она хорошо понимает социальную дистанцию между ней и всеми ее окружающими. Зато, когда в ней говорит чувство горючо любимой женщины, она целиком отдается этому чувству. Сцена, в которой она предлагает Егору оставить дом и поехать с ней в Сибирь, проведена безукоризненно.

Несколько однообразна артистка Рахела Ферари в роли Ксении, жены Егора. Не создается впечатление, что она является для Булычова, по его образному признанию, «дуриным сном». И все же актриса привносит в свою роль много оригинального и характерного.

Даром исключительного актерского перевоплощения обладает артист Виктор Старич. В спектакле «Дундо Марое» он превосходно, предельно выразительно сыграл эпизодическую роль ростовщика Сади. Здесь же он создал запоминающийся образ воинствующего, философствующего мракобеса — пона Навлина. В его Навлине нет ничего рассчитанного на внешний эффект, а впечатление на зрителя — огромное. Достигается это главным образом удивительно точным сочетанием жестыкуляции с мимикой и интонационным богатством речи. Ничего лишнего. Классическая четкость.

Сильное впечатление производит сцена словесного поединка игуменьи Меланьи с Булычовым. Актриска Невента Микулич рисует колоритный образ жадной, властолюбивой хищницы, выталающей прибрать к рукам богатство умирающего Булычова. Слово злобная черная птица, размахивая посохом, она налетает на Булычова, угрожая ему всеми муками ада, если он не образумится и не подпишет денежного завещания в пользу монастыря. О царстве

божьем и муках ада Меланья говорит так, словно и там она такая же властительница, как в своем монастыре. Но вот Булычов вырывает у нее посох, посылая ей и богу страшные проклятия. И куда девается воинственный вид Меланьи!

К большим актерским удачам следует отнести выразительную, игру артистов Йожа Рутича в роли Василия Достигаева, Соли Хлебновой — его жены, Бранко Плеша — Зволцова, этого циника, к которому так хорошо применимо горьковское определение — «вертикальный козел в брюках». Это представители либерализирующей буржуазии, исполненные надежд на то, что их власть придет на смену самодержавию.

Нет возможности в одной рецензии подробно проанализировать игру каждого участника этого яркого, реалистического спектакля. Высокой похвалы заслуживает игра исполнителей не только основных, но и второстепенных ролей; безупречны Мошея Башкин у Иво Яншича, трубач у Жарко Митровича, Антопяна у Ольги Спиридонович, забитая, безвольная Таисия у Капитолины Эрлич.

Спектакль в целом отличается высокой сценической культурой. Сызранность, ритм, темп, соотношение главного и второстепенного, строгая продуманность мизансцен — все говорит о большом даровании, о замечательных творческих традициях и великолепной актерской и режиссерской школе.

«Егор Булычов», как и предыдущий спектакль «Дундо Марое», доставил зрителям большое эстетическое наслаждение.

Хочется от всей души пожелать талантливому коллективу Югославского драматического театра новых и новых успехов в напряженном, благородном труде, новых дерзаний и новых творческих влетов.

В. ПРОЖОГИН.

Кандидат филологических наук, доцент.

Сцена из спектакля «Егор Булычов и другие». На снимке: Шура — Дубравка Перич, Егор Булычов — Миленко Живанович, трубач — Жарко Митрович.

Фото М. Мельника.